IPG

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА 06.08.2024 | Майкл Дж. Сандел

Как Камала Харрис может победить

Ей нужна идея, объединяющая Демократическую партию с избирателями из рабочего класса, которых она оттолкнула за последние десятилетия

Камале Харрис нужно немало сделать за короткое время: сформировать команду, выбрать кандидата на должность вице-президента, представиться государству. Но ее главная задача – понять, в чем суть этих выборов.

В течение последних недель Харрис выступает в защиту демократии, верховенства права и репродуктивной свободы от еще четырех лет правления Дональда Трампа. Как решительная защитница права на прерывание беременности и бывшая прокурор, она как нельзя лучше сможет сосредоточить внимание на этих вопросах. Харрис с удовольствием напоминает избирателям, что Трамп – преступник. «Я занималась преступниками всех видов, – заявила она во время первого предвыборного митинга в спортзале в Милуоки во вторник, – так что поверьте мне, когда я говорю, что знаю, кто такой Дональд Трамп».

Противостоять Трампу и защищать репродуктивные права – это еще не все

Но противостоять Трампу и защищать репродуктивные права – это еще не все. Чтобы победить его, Харрис нужно обратить внимание на серьезные жалобы, из которых он извлекает выгоду – многие американцы, особенно те, кто не имеет высшего образования, чувствуют, что их голоса не слышат, их работу не уважают и что элиты относятся к ним свысока. Ей нужна идея, которая объединила бы Демократическую партию с избирателями из рабочего класса, которых она оттолкнула за последние десятилетия. Возможно, для нее, как бывшего сенатора из Калифорнии, это будет не очень просто, а Трамп не терял времени и уже начал везде называть ее «леворадикальной сумасшедшей». Но если она хочет

> сформировать прогрессивную политику, которая может вырвать будущее у движения MAGA, надо стараться. От этого может зависеть победа или поражение в ноябре.

Чтобы начать бороться с гневом и поляризацией, охватившими США, демократам надо вспомнить, почему возник этот нестабильный исторический момент: абсолютное большинство американцев – около 85 процентов – считают, что власть не волнует их мнение, и что у них нет возможности действительно влиять на силы, управляющие их жизнями.

Чувство бесправия – основа проблем, на которой строятся ключевые месседжи республиканцев в этой кампании: инфляции и иммиграции.

Если Харрис будет продолжать повторять экономические факты, не учитывая настроений большинства избирателей, она не сможет справиться с недовольством народа, из-за которого в опросах она все же несколько отстает от Трампа. Низкий уровень безработицы, стабильный рост количества рабочих мест, повышение заработной платы – по обычным показателям экономика при правлении Байдена была успешной. И все же инфляция настолько велика, что большинство людей не одобряют президентское управление экономикой. Почему? Потому что инфляция касается не только цен на яйца. Многие избиратели воспринимают это как потерю субъектности, ежедневное доказательство своего бессилия: сколько бы я ни работал или зарабатывал, я не могу вырваться вперед или хотя бы идти в ногу с ценами.

И почему же избирателей так волнует незаконное пересечение границы, даже если они живут далеко от южной границы? Не потому, что они верят в демагогию Трампа о преступниках, насильниках и психически больных, которые массово попадают в США, а потому, что они воспринимают страну, неспособную контролировать свои границы, как страну, неспособную контролировать свою судьбу, которая еще и относится к чужакам лучше, чем к части собственных граждан.

Может показаться, что переосмысление экономики и восстановление нашего чувства общего гражданства – две отдельные темы. Первая касается инфляции, налоговых ставок и торговой политики, а вторая – идентичности, общности и взаимного уважения. Но они относятся к одному и тому же политическому проекту. Экономические механизмы решают распределение не только доходов и богатства, но

и социального признания и уважения.

Чтобы вернуть утраченное доверие избирателей, демократы вынуждены будут признать, что неолиберальный проект глобализации, которым они и мейнстримные республиканцы занимались в течение последних десятилетий, был очень выгодным для верхушки, но привел к безработице и застою заработных плат для большинства рабочих. Те, кто оказался в выигрыше, использовали неожиданную прибыль, чтобы купить влияние. Правительство прекратило попытки сдерживать концентрированную экономическую власть. Обе партии объединили усилия, чтобы дерегулировать Уолл-стрит. А когда в результате экономического кризиса 2008 года система оказалась на грани, они потратили миллиарды долларов, чтобы помочь банкам, а обычные домовладельцы вынуждены были справляться с этим самостоятельно.

К 2016 году четыре десятилетия неолиберального правления создали неравенство в доходах и богатстве, невиданное с 1920-х годов. Профсоюзы оказались в упадке. Рабочие получали все меньшую долю прибыли, которую они и создали. Финансы занимали все большую часть экономики, но значительная часть переходила к спекулятивным активам (таким, как рискованные производные финансовые инструменты), а не производственным (фабрик, домов, дорог, школ) в реальной экономике.

Вместо того, чтобы бороться с последствиями нанесенного ими же вреда, обе политические партии призывали рабочих совершенствоваться, получая высшее образование. Политики сказали: «Ваш заработок зависит от того, что вы знаете, если стараться, все получится». Элиты, которые давали этот совет, не замечали, что он сам по себе был оскорбительным: мол, если в новой экономике вам сложно, вы сами виноваты. Это неприятное сочетание экономических оскорблений с превосходством в соответствии с уровнем образования и привело в свое время Трампа на пост президента.

Экономическая политика Трампа мало чем помогла рабочим, которые его поддерживали. Он пытался (безуспешно) отменить медицинские страховки, которыми многие из них пользуются. Также он ввел налоговые льготы преимущественно для корпораций и богатой прослойки. Но враждебное отношение к элитам и их проекту глобализации продолжало отзываться избирателям. В 2020 году Джо Байден его победил, но избиратели без высшего образования продолжали голосовать за Трампа.

Джо Байден, мейнстримный демократ со стажем, отнюдь не радикал. Как отметил Дж. Д. Вэнс в своей речи на Национальном съезде Республиканской партии, Байден голосовал за НАФТА, вступление Китая во Всемирную торговую организацию и войну в Ираке. (Вэнс забыл добавить, что за это голосовали и большинство республиканцев. За НАФТА и нормализацию торговых отношений с Китаем голосовало больше республиканцев, чем демократов, а ситуацию с войной в Ираке организовали президент Джордж Буш, Дик Чейни и Дональд Рамсфельд).

Но, несмотря на центристскую карьеру, Байден на посту президента отвернулся от политик, вызвавших негативную реакцию популистов, и дал больше возможностей Трампу.

Байден на самом деле так и не продемонстрировал общего видения управления, так и не объяснил, как реализованные им политические шаги поспособствуют новому демократическому проекту

Амбициозные бюджетные инвестиции Байдена в инфраструктуру, производство, рабочие места и возобновляемую энергетику напоминали мощную роль правительства времен Нового курса – как и поддержка коллективных переговоров и восстановление антимонопольного законодательства. Поэтому его можно справедливо считать одним из самых влиятельных президентов современности.

Однако он оставался непопулярным. Байден и его команда считали, что проблема здесь во временных рамках: должно пройти время, прежде чем инвестиции приведут к созданию рабочих мест и получению реальной выгоды.

Настоящая же проблема была серьезнее. Байден на самом деле так и не продемонстрировал общего видения управления, так и не объяснил, как реализованные им политические шаги поспособствуют новому демократическому проекту. Франклин Рузвельт понимал, почему так важно освещать общую картину. Он убедил общественность, что учреждения, которые он создал, и политика, которую он ввел, обеспечат американцам возможность держать под контролем власть корпораций, которая потенциально могла лишить их возможности влиять на государственное правление.

Байден такого не предложил.

Когда он покончил с эпохой неолиберальной глобализации, поддержав роль правительства в регулировании рынков ради общего блага, он это сделал без лишнего пафоса и объяснений. Он не признал, что его собственная партия была причастна к политическим решениям, которые углубили разрыв между богатыми и бедными. Возможно, он скорее руководствовался политическим инстинктом, чем тематическим видением, а может, не хотел подчеркивать разрыв с дружественной к рынку философией Барака Обамы. Его План спасения Америки, Закон об инвестициях в инфраструктуру и о рабочих местах, Закон о чипах и науке, а также Закон о снижении инфляции – все это были важные решения, которые, тем не менее, не объединялись конкретной политической темой. Его президентство было триумфальным с точки зрения законодательства и провальным в контексте нарративов.

Это сделало его слабым конкурентом Трампа, у которого политических успехов мало, но при этом его движение MAGA соответствовало гневным настроениям этой эпохи.

Что все это означает для кампании Харрис?

Чтобы победить Трампа, нужно серьезно воспринимать разрыв между теми, кому повезло, и кому – нет, из-за которого страна настолько поляризована. Нужно признать возмущение рабочих, которые чувствуют, что их труд не уважают, что элиты смотрят на них свысока, что они мало влияют на то, как власть управляет их жизнью.

Харрис нужно подчеркивать тему, которая постоянно присутствовала, но недостаточно обсуждалась во время президентства Байдена: достоинство труда

Для этого Харрис нужно подчеркивать тему, которая постоянно присутствовала, но недостаточно обсуждалась во время президентства Байдена: достоинство труда. Государственные инвестиции и трудовые реформы нынешнего президента были призваны восстановить общины, уничтоженные глобализацией, и создать экономику, в которой каждый сможет процветать. В своей кампании Харрис стоит не только защищать эти достижения, но и начать нечто более амбициозное: проект демократического восстановления, который выходит за рамки простого спасения демократии от Трампа. В минимальном понимании демократия означает, что когда ты проигрываешь, ты покидаешь пост – а поведение Трампа ставит под вопрос даже

этот основополагающий аспект.

Но демократия в полном смысле заключается в том, чтобы граждане вместе обсуждали вопросы справедливости и общего блага. Достоинство труда важно для здоровой демократии, поскольку оно позволяет каждому вносить собственный вклад в общее благо и получать за это признание.

Если Харрис сделает конкретные предложения, чтобы признать, что труд – достойное занятие и он должен справедливо оплачиваться, Трамп и Вэнс могут быть вынуждены выбирать, какую партию они представляют – рабочую, которой надеются стать, или корпоративную Республиканскую партию, которой она сейчас и является.

Она должна была бы задавать вопросы, которые оживили бы прогрессивную политику XXI века: если мы действительно верим в достоинство труда, почему налог на доход от труда выше, чем на доход от дивидендов и прироста капитала? Не должна ли минимальная оплата труда на федеральном уровне быть выше на 7,25 доллара в час? Трамп предложил освободить чаевые от налогообложения. Что же, вот более смелое предложение: почему бы не уменьшить или вообще отменить налоги на заработную плату, которые платят работники, и компенсировать это за счет налога на финансовые операции?

Что касается других мер – как насчет государственных инвестиций в общедоступный уход за детьми не только для поддержки тех, кто работает вне дома, но и для улучшения оплаты и условий труда попечителей? Демократы могли бы способствовать отраслевым соглашениям, чтобы работники заведений фастфуда могли вести переговоры о зарплате и условиях труда по всей отрасли, а не в каждой компании отдельно. Демократы могли бы требовать предоставлять рабочим места в корпоративных советах директоров и применять права постоянных работников к тем, кто работает в рамках проектной занятости. А как насчет автоматизации? Следует ли оставлять решение о направлениях развития искусственного интеллекта и новых технологий венчурным капиталистам Кремниевой долины, или граждане при поддержке государственных инвестиций должны сами решать, как развиваются технологии, чтобы они способствовали инновациям, которые улучшают возможности работников, а не заменяют их? Что касается изменения климата, то вместо того, чтобы навязывать технократические решения сверху вниз, может, прислушаться к тем, кто боится, что их средства к существованию исчезнут – создать местные форумы для

работников сфер ископаемого топлива и сельского хозяйства, чтобы дать им возможность сотрудничать с лидерами общин, учеными и госслужащими и таким образом совместно обсуждать переход к зеленой экономике?

Именно такой могла бы быть более надежная моральная и политическая аргументация о том, каким может быть наше будущее – в которой учитывалось бы недовольство, которым активно пользуется Трамп. Камала Харрис и ее команда могут избегать такого амбициозного подхода, надеясь выиграть кампанию на основе страха перед Трампом и борьбы с запретом на аборт. Они могут утверждать, что избирательный сезон слишком короткий, а ставки слишком высоки, и повышение градуса публичной дискуссии – дело слишком долгое.

Но это было бы политической ошибкой и упущенной возможностью на историческом уровне. Высмеивание Трампа поощряет имеющихся избирателей, но углубляет раскол. Предложив американцам более вдохновенный демократический проект, можно было бы изменить мнение некоторых из них, убедить часть избирателей и дать определенную надежду на менее агрессивную общественную жизнь.

Оригинал статьи вышел в New York Times

Майкл Дж. Сандел

Майкл Дж. Сандел (Michael J. Sandel) – профессор Гарварда и автор книг. Самая свежая его работа – «Недовольство демократией: новое издание для наших опасных времен».